

Серова В. А.
V. A. Serova

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИМВОЛА МЕДВЕДЯ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

TRANSFORMATION OF THE BEAR SYMBOL IN RUSSIAN FOLK TALES

Серова Виктория Александровна – аспирант кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин Крымского университета культуры, искусств и туризма (Россия, Симферополь); 295017, Российская Федерация, Симферополь, ул. Киевская, 39. E-mail: srv-victoria@mail.ru.

Victoria A. Serova – Postgraduate, Department of Philosophy, Culture Studies and Humanities, Crimean University of Culture, Arts and Tourism (Russia, Simferopol); 295017, Russian Federation, Simferopol, Kievskaya str. 39. E-mail: srv-victoria@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена медведю как одному из тотемных животных, символическое восприятие которого перешло из мифологических представлений в сказку. Пройдя множественные этапы трансформации, в визуальной культуре образ медведя постепенно стал восприниматься иначе. Автор делает акцент на истоках возникновения архетипа «медведь», его рецепции в русской народной сказке, влиянии данного символа на процесс национальной самоидентификации. Делаются выводы о том, что медведь как архетип имеет прочные корни в российском национальном сознании, играет важную роль в национальной самоидентификации и формировании в пространстве визуальной культуры авто- и гетеростереотипов.

Summary. The article is devoted to the bear as one of the totemic animals, the symbolic perception of which has passed from mythological representations into a fairy tale. After going through multiple stages of transformation, the image of the bear gradually began to be perceived differently in visual culture. The author focuses on the origins of the archetype «bear»; its reception in the Russian folk tale; the influence of this symbol on the process of national identity. Conclusions are drawn that the bear as an archetype has strong roots in the Russian national consciousness, plays an important role in national self-identification and in the formation of auto- and hetero-stereotypes in the space of visual culture.

Ключевые слова: русская народная сказка, тотем, культ, архетип, символ, трансформация.

Key words: Russian folk tale, totem, cult, archetype, symbol, transformation.

УДК 398.21+7.046

Медведь – достаточно неоднозначный, а иногда и противоречивый древний символ, следы которого можно обнаружить в разных культурах. В отечественной культуре он занимает особое место, потому что славяне с древнейших времён уважительно относились к этому свирепому животному. Опасное и близкое соседство вынудило их изучать и подстраиваться к его повадкам. Возникло множество примет, сказаний, былин, основанных на данных наблюдениях. Неудивительно, что такое «сожитительство» породило бинарное символическое отношение к медведю: с одной стороны, он «защитник», «хозяин леса», оберегающий его обитателей, с другой – опасный, непредсказуемый зверь, который может принести множество бед тем людям, которые пренебрегают границами ареала его обитания. В качестве гипотезы исследования предположим, что образ медведя для русской культуры является архетипическим. Согласно развиваемому в статье подходу, трансформацию образа медведя можно проследить в сказке, впитавшей в себя архетипический образ медведя и транслирующей его нам через призму времени.

Отметим, что образ медведя, являясь аллегорией России в западных странах, широко используется иностранными СМИ, маркетологами, политиками, журналистами в качестве наглядного способа трансляции «неуёмной жестокости» и «варварства» нашей страны. При этом медведь действительно становится национальным символом России и заслуживает особого внимания. Это обосновывает необходимость изучения истоков зарождения архетипа «медведь» и его последую-

щей рецепции в сказочном символе. Мы предполагаем, что осознание природы возникновения архетипа с последующим анализом изменения восприятия данного символа в народных сказках поможет раскрыть процесс национальной самоидентификации с этим могучим животным, особенно в нынешних условиях.

Степень разработанности проблемы. Необходимо отметить, что образ медведя достаточно популярен в качестве материала для исследования в различных социально-гуманитарных направлениях современной науки. Так, в библеистике образ медведя анализирует К. Войцеховска в контексте актуализации его использования в политической теологии [11, 11]. Д. Хрусталева в своей работе «Происхождение Русского медведя» рассматривает предпосылки зарождения этого символа в России [16]. А. Б. Зубов подробно описывает «медвежий культ» в среднем палеолите [6]. О. В. Рябов рассматривает использование медвежьей метафоры во внешнеэкономическом дискурсе [13]; в политическом дискурсе лексему медведь и её функционирование в массмедиа изучает Ю. Н. Михайлова [9]. Е. Пчёлков раскрывает использование образа медведя в русской геральдике [11, 29-61]. И это далеко не все авторы, интересующиеся заявленной проблематикой, что подчеркивает её эвристический потенциал.

Цель исследования – раскрыть трансформацию сказочного символа медведя в визуальной культуре.

Сложное и опасное соседство наших далёких предков с медведем породило глубокое уважение к этому хищнику. Согласно современным исследованиям, в условиях соперничества и конкуренции за места охоты, проживания и пищу уже в среднем палеолите возникает медвежий культ. Он заключался не просто в захоронении останков хищника с целью перерождения (реинкарнации), но в почтительном отношении к самому животному как предку: «мясо вкушают с благоговейным трепетом, полагая его субстанцией самого Творца, и потому к костным останкам проявляют особо почтительное отношение» [6, 134]. Останки медведя (череп, лапы и т. п.), найденные палеонтологами в пещерах, были аккуратно сложены, в отличие от костей других животных, которых употребляли в пищу и о сохранении которых после трапезы не беспокоились.

Современные исследователи отмечают, что в традиционном восприятии славянских народов медведь занимал исключительно важное место как тотем, властелин леса и зверей. Такому восприятию послужило человекоподобие медведя: глаза как у человека; любит и оберегает своё потомство; передвигается и стоит на двух ногах; лапы, как человеческие руки, а «если снять с медведя шкуру, то он выглядит как человек: самец как мужчина, а медведица – с грудью, как у женщины» [4, 162]. Медведица, по аналогии с людьми, но в отличии, например, от кошки, зачастую не выгоняет предыдущее потомство с появлением нового, а отводит ему роль «няньки» (пестуна), которая вместе с ней обучает, следит и ухаживает за младшими медвежатами [14, 364].

Интересно, что славяне до сих пор пользуются табуированной, иносказательной формой названия хищника. Произносить имя животного было запрещено, т. к. считалось, что оно может быть услышано на любом расстоянии. Чтобы избежать беды, славяне называли хищника «медведь» – тот, кто ведаёт мёдом. Возможно, что истинное имя, а именно его запретная форма, происходит от немецкого «der Bär», что созвучно с «Берлога» – местом обитания, жилища медведя, то есть «логовом Бера» [12, 104].

В свою очередь хотелось бы отметить, что медвежий культ нашёл отражение в русской народной сказке «Медведь» [3, т. 1, 97]. Её сюжет заключается в истории о том, как старик пошёл в лес за дровами и неожиданно встретил Медведя. Последний предлагает старику бороться, но старик отсекает ему лапу топором. Старик уносит добычу домой, отдаёт старухе, которая в свою очередь совершает следующие действия с медвежьей лапой: сдирает сидя на лапе кожу, ошипывает шерсть и варит в печи. Медведь сооружает себе лапу из липы, идёт в дом к старикам и убивает их, как следует из логики сюжета сказки, за неуважительное отношение к нему как тотему, предку, хозяину леса. Данный сюжет может показаться достаточно жестоким, однако именно он раскрывает суть символа – великого предка, защитника, покровителя, – отражающего медвежий архетип. Вместо того чтобы использовать медвежью лапу как оберег, старики её использовали грубо, сугубо в бытовых целях, чем нарушили табу. Например, у Мирча Элиаде: «Убийство зверя счита-

ется ритуалом, ... кости, особенно череп, имеют особую ритуальную ценность...» [17, 13]. Тотем, табу и ритуал – это важные компоненты мифа. Мы предполагаем, что именно поэтому архетип медведя находит символическое отражение в сказке как отражении мифологии народа. Медведь и его части тела символизируют оберег, защиту, но в то же время и опасность, беду при неуважительном к ним отношении. Таким образом, в этой сказке можно наблюдать отголоски языческой мифологии. Как отмечает известный исследователь Б. Рыбаков, у древних славян, в языческие времена, с медведем отождествлялся бог Волос (Велес) – «Скотий бог». Сама медвежья лапа носила название «Скотий бог» вывешивалась во дворах для охраны скота [13, 105].

В следующей сказке «Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня-богатыри» прослеживается интимная связь медведя – тотемного животного – и человека [3, т. 1, 763]. По сюжету сказки, от связи медведя и девушки Репки появился на свет сын Ивашко-Медведко – наполовину медведь, наполовину человек. В сказке Ивашко-Медведко обладает нечеловеческой силой, умом, смекалкой и чувством справедливости. К слову, здесь прослеживается определённая параллель с древнегреческой мифологией, в которой герой – это полубог-получеловек, получивший от своего нечеловеческого родителя сверхспособности (например, Геракл). По этому поводу К. Леви-Стросс в своём исследовании «Первобытное мышление» указывает на то, что индейцы говорили так: «Мы знаем то, что делают животные, каковы потребности бобра, медведя, лосося и других существ, поскольку некогда люди вступили в брак с ними ... наши предки поженились на животных, узнали все их жизненные хитрости и передали эти знания от поколения к поколению» [8, 142]. В сказке «Иванко Медведко» прослеживается иной сюжет сказки, но главный герой также рождён в результате интимной связи медведя и женщины. К слову, Иванко Медведко тоже обладает нечеловеческой силой и «до пояс человек, а от пояса медведь» [3, т. 1, 505]. В этих сказках можно наблюдать отсылку к тотемизму: человек и животное здесь являются началом новой жизни.

В других русских сказках, в частности «Дочь и падчерица», медведь выступает и в качестве символического «препятствия», проводит испытание неопита [3, т. 1, 390]. Девушку родной отец отвозит в лес, в хижину, где она наводит порядок, готовит кашу и прядёт, кормит мышку (помощника), т. е. выполняет все необходимые ритуальные действия перед встречей с главным препятствием. Когда появляется медведь, который предлагает сыграть в игру «жмурки», за неё играет мышка, а сама девушка прячется, не попадается медведю, остаётся жива, получает подарки и возвращается к себе домой. Похожий сюжет можно встретить в сказке «Девушка и медведь» [3, т. 3, 426]. В одной из самых популярных русских народных сказок «Маша и медведь» мы находим тот же мотив инициации с олицетворением медведя как символического «препятствия» [2, 24].

Интересно, что медведь выступает не только как препятствие, но и как помощник в таких сказках, как «Кощей Бессмертный» [3, т. 1, 901], «Царевна-лягушка» [3, т. 2, 842], где неубитый главным героем медведь решает силой и проворством проблему последнего. Согласно В. Проппу, пощажённые животные «не что иное, как животные-предки, животные, которых нельзя есть и которые потому и помогают, что они тотемные предки» [10, 129].

В контексте рассматриваемой проблемы отметим ряд русских сказок, где медведь теряет свою символику тотемного предка и приобретает неуклюжий, глупый, трусоватый характер. Согласно В. Аникину: «Переход от почитания тотемного существа к его осмеянию совершился в условиях распада древнего материнского рода и установления патриархата. ... Разоблачение бывших кумиров сопровождалось нарочито ироническим изображением смешных сторон животного. Предметом шуток стал облик зверя, его повадки и образ жизни» [1, 56]. Можно предположить, что сами сказки не только содержат многовековой архетип, но уже скорее отражают стереотип, соответствующий времени пересказа сказок. Мировоззренческое отдаление своего сопричастия с природой, изменение материального образа жизни и приход христианства, на наш взгляд, наиболее сильно повлияли на отношение к сказочным символам. Таким образом, восприятие большого и мощного властного зверя постепенно трансформировалось: образ хозяина леса стал отождествляться с царём, барином, начальником, руководителем [7, 167]. Возможно, именно с этой ассоциацией связано упрощение данного символа. В таких сказках, как «Кот и лиса» [3, т. 1, 200], «Лисичка-сестричка и волк № 7» [3, т. 1, 110], «За лапотонок-курочку, за курочку-гусочку» [3, т. 1, 114],

«Звери в яме» [3, т. 1, 171], медведь оказывается обманут. В сказках «Напуганные медведь и волки» [3, т. 1, 212], «Зимовье зверей» [3, т. 1, 276] медведь пугается и убегает. Но в то же время медведь остаётся добрым помощником в сказке «Медведь, собака и кошка» [3, т. 1, 258], где по сюжету сказки медведь не бросает в беде собаку, кормит и находит способ, как вернуть пса домой.

Обобщая вышесказанное, отметим, что образ медведя от живого существа до архетипа существенно изменился в миропонимании наших предков. К примеру, долгое изучение и наблюдение за повадками этого животного породило огромное количество народных примет, так, например, у древних славян приход весны и пробуждение природы связано, в частности, с весенним пробуждением медведя: «На Овечницу медведь ложится в берлогу и начинает сосать лапу, на Сретенье переворачивается и сосет другую лапу, а на Благовещенье выходит из берлоги» [4, 172]. В данной связи также заслуживают упоминания такие пословицы: «Медведя поймал! – Веди сюда! – Да нейдет! – Так сам иди! – Да не пускает!» [5, 55]; «Не прав медведь, что корову съел; не права и корова, что в лес зашла» [5, 168]; «Кого медведь драл, тот и пня боится» [5, 427].

В некоторых сказках можно встретить мощь и силу медведя, требующего к себе особого, почтительного отношения. Ярким примером может быть сказка «Медведь» [3, т. 1, 97], разительно отличающаяся от всех остальных, где фигурирует медведь. В ней прослеживается неизбежное ощущение мести, страх перед опасным тотемным животным, к которому отнеслись с пренебрежением. Однако символ силы, защиты, опасности со временем нивелируется, приобретая более мягкие, слабые значения и смысловые оттенки. Более того, в сказках заметна определённая трансформация: сам символ со временем становится слабее, дурашливее; отношение к медведю (как хозяину, барину) становится насмешливым. Предположим, что такая трансформация связана с изменением социального мировосприятия, проявившимся в отдалении от природы, преодолении страха перед тотемным животным, распаде материнского рода.

Отметим, что современное восприятие образа медведя не ушло далеко от архетипического, но оно благодаря современной визуальной культуре и мировым политическим событиям закономерно обросло большим количеством стереотипов, особенно во многих западных странах. В данной связи отметим мысль Д. Хрусталева: «Внутренних причин к выделению медвежьей символики в качестве общенациональной в России никогда не было. Это исключительно взгляд с Запада» [16, 145]. Однако восточные славяне (преимущественно русские), до сих пор ассоциируются в ряде западных стран именно с медведем. Естественно, что далеко не дружеские исторические, экономические, политические отношения стали основанием для искусственного и целенаправленного формирования западного стереотипа о России как «варварском, диком, злом» животном, которое не ведает что творит и которое для усмирения необходимо посадить на цепь или в клетку. Современные «экономические санкции», таким образом, становятся символом этого «поводка» для медведя, а разжигание конфликтов вокруг территории РФ – своеобразной «клеткой».

Ярким примером вышесказанного является обложка журнала «The Economist» от четырнадцатого июля 2022 года [18]. На его лицевой стороне изображён зимний лес, вместо деревьев газовые трубы, по лесу гуляет маленькая Красная Шапочка, которую преследует огромный медведь с красными глазами. Очевидна аналогия со сказкой Шарля Перро, в которой маленькая беззащитная девочка несёт пирожки для своей бабушки. Обложка содержит в себе много символики, особенно скрытой. Без подробного обращения к широко известному сюжету сказки обратим особое внимание на её финал: волк, обманув Красную Шапочку, проглотил её вслед за бабушкой, добрые дровосеки, проходившие рядом, его убили и, вспоров живот, вызволили всех проглоченных живыми и невредимыми. Интересно, что на обложке журнала изображён не волк, но (русский) медведь, который собирается проглотить маленькую Красную Шапочку (Европу), здесь заметно незавуалированное отношение к России: показано страшное, «прожорливое чудовище» с кровавыми глазами. Обратим также особое внимание на лес из газовых труб, который довольно сильно напоминает клетку. Таким образом, журнал «The Economist» не только «переживает» за маленькую Красную Шапочку, которая рискует замёрзнуть в зимнем лесу и стать съеденной медведем, но и угрожающе напоминает (о чём не стоит забывать) о «добрых» дровосеках, гуляющих неподалёку, под которыми, вероятно, подразумеваются США.

Однако, заметим, что в любом случае медведь – животное не агрессивное, если ему, его жилищу или семейству не грозит опасность. Как сказал Президент РФ В. В. Путин, «медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет» [15]. Но в случае возникновения реальной угрозы этот хищник действительно может стать жестоким и непредсказуемым.

Таким образом, медведь как сказочный символ в контексте социокультурной динамики претерпевает существенную трансформацию в русских народных сказках. Первоначальное трепетное отношение к нему как тотемному животному, вероятно, связано с тесным взаимодействием в общем ореоле обитания. В вышеприведённых сказках, таких как «Медведь», «Иванко Медведко», «Дочь и падчерица», медведь предстаёт перед нами как сильный, карающий, испытующий. Постепенное отдаление от природы порождает изменение коллективного мировосприятия наших предков: почтительное отношение к тотемному животному замещается снисходительным, преодолевающим тем самым страх перед ним. В таких сказках, как «Кот и лиса», «Звери в яме», «Напуганные медведь и волки», «Зимовье зверей», медведь приобретает пороки, свойственные человеку, но не тотему, становясь жадным, трусоватым, глупым. Мощный и свирепый хищник, символизировавший хозяина леса, становится неуклюжим, добрым, обычным его обитателем. Вместе с тем отметим, что в настоящее время медведь – это национальный символ России, играющий значимую роль в национальном сознании и самоидентификации россиян, несмотря на культивирование и распространение в современной медиасфере негативного западного стереотипа «дикого, необузданного» зверя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин, В. П. Русская народная сказка: пособие для учителей / В. П. Аникин. – М.: Просвещение, 1977. – 208 с.
2. Аникин, В. П. Русские народные сказки / В. П. Аникин. – М.: Детская литература, 1978. – 1087 с.
3. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки / А. Н. Афанасьев. – М.: Наука, 1957. – Т. 1-3.
4. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М.: Индрик, 1997. – 912 с.
5. Даль, В. И. Пословицы русского народа. В 2 т. Т. 1 / В. И. Даль. – М.: Гослитиздат, 1957. – 431 с.
6. Зубов, А. Б. Доисторические и внеисторические религии. История религий / А. Б. Зубов. – М.: РИПОЛ Классик, 2017. – 560 с.
7. Кумба, С. Тотемный символ, персонаж русских сказок – медведь / С. Кумба // Неофилология. – 2020. – Т. 6. – № 21. – С. 164-169.
8. Леви-Стросс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Стросс. – М.: Изд-во Республика, 1994. – 384 с.
9. Михайлова, Ю. Н. Медведь в политическом дискурсе / Ю. Н. Михайлова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4 (64). – Т. 4. – С. 143-146.
10. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 336 с.
11. «Русский медведь»: история, семиотика, политика / под ред. О. В. Рябова, А. де Лазари. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 368 с.
12. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М.: Академический проект, 2013. – 640 с.
13. Рябов, О. В. Медвежья метафора России как фактор международных отношений / О. В. Рябов // Лингвокультурология. – 2016. – С. 312-330.
14. Терешкина, О. В. Архетипический образ медведя и медведь *URSUS ARCTOS L.* (Медведь в историко-филологическом и естественнонаучном аспектах) / О. А. Терешкина С. А. Терешкин // Труды Мордовского государственного природного заповедника имени П. Г. Сидовича. – 2020. – Вып. 25. – С. 358-380.
15. Топ-10 цитат Путина на заседании «Валдая»: клопы, медведь и управляемый хаос // Московский комсомолец: [сайт]. – 2014. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2014/10/24/top10-citat-putina-na-zasedanii-valdaya-klopy-medved-i-upravlyaemu-u-khaos.html> (дата обращения: 20.07.2022). – Текст: электронный.
16. Хрусталёв, Д. Происхождение «русского медведя» / Д. Хрусталёв // НЛЮ. – 2011. – № 107. – С. 137-152.
17. Элиаде, М. История веры и религиозных идей. В 3 т. Т. 1. От каменного века до элевсинских мистерий / М. Элиаде. – М.: Критерион, 2002. – 464 с.
18. Europe's winter of discontent // The Economist: [сайт]. – 2022. – URL: https://www.economist.com/leaders/2022/07/14/europes-winter-of-discontent?itm_source=parsely-api (дата обращения: 24.07.22). – Текст: электронный.